

ЛИЖИ ПВОМС

В ОБЪЯТИЯХ ЧУДОВИЩ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Аволс

В объятиях чудовищ

«Автор»

2026

Аволс Л.

В объятиях чудовищ / Л. Аволс — «Автор», 2026

Вирус уничтожил цивилизацию, швырнув нас в эпоху факелов и борьбы за выживание. Раньше я была типичной молодой девушкой: любила мирную жизнь на ферме, мечтала о букетах цветов и новых книгах, любила платишки и юбочки. Теперь же, мой единственный шанс спастись — закончить академию и научиться убивать тварей, наводнивших планету. Но один дерзкий поступок в первый же день превращает мою жизнь в капкан. Я зачислена в элитный взвод самого жестокого командира базы. Он одержим дисциплиной, не прощает ошибок, а после его уроков выживают единицы. Под его надзором меня ждет личный ад. Что же скрывается за маской этого безжалостного монстра? И способно ли чужое сердце забиться вновь, если оно давно превратилось в камень?

© Аволс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лина Аволс

В объятиях чудовищ

Глава 1

НАЧАЛО

Сто лет назад человечество ослепло от собственной гордости, и природа стерла нас с лица земли одной безжалостной вспышкой. Мир, который наши предки строили тысячелетиями, рухнул в одночасье, погрузившись в непроглядную, первобытную тьму. Всё, к чему пришел человек — великие технологии, высотные мегаполисы, электричество, послушные машины, бороздящие небо ракеты и бесконечные нити водопроводов, — превратилось в бесполезный хлам. Города стали надгробиями старой эпохи.

Мы совершили колоссальный, дикий прыжок назад, прямиком в глухое Средневековье. Современному человеку это покажется полнейшим бредом, дурным сном, но для нас это суровая повседневность: если ты хочешь пить, ты берешь ведра и идешь к глубокому, ледяному колодцу. Если тебе нужен свет, чтобы разогнать ночной сумрак, ты зажигаешь сальную свечу, которая коптит и пахнет животным жиром. Смерть караулит человека на каждом шагу: обычная простуда или воспалившийся порез теперь могут свести в могилу так же быстро, как и столетия назад. Мы снова научились бояться темноты, потому что в темноте прячутся те, кто сменил нас на вершине пищевой цепочки.

Когда электричество отключилось навсегда, автоматизированные лаборатории и зоопарки старого мира остались без присмотра. Первые выжившие рассказывали, что вирус изначально поражал не людей, а паразитов — клещей, оводов и нематод. Разрастаясь внутри хозяев до гротескных размеров, они перехватывали контроль над нервной системой высших животных и заставляли их мутировать. Мужские сородичи использовали нас как пищу или добычу определённых органов.

Меня зовут Агата Риан. Мне восемнадцать лет, и я — дитя этого выжженного, переродившегося мира. Я родилась в Литвиче. Это удивительное, почти благословенное место на фоне общего хаоса. Наш город огражден исполинской, невероятно толстой и крепкой каменной стеной, которую возводили несколько поколений. Литвич славится своими мирными, трудолюбивыми жителями. Пока остальной континент воюет за консервы столетней давности, наши люди пахут землю, выращивают сочные овощи и разводят скот. Здесь пахнет парным молоком, свежим хлебом и скошенной травой. Жизнь в Литвиче текла размеренно, и я верила, что проведу здесь всю свою жизнь.

Но у моих родителей были другие планы. Они понимали: сытая и мирная жизнь внутри стен — это иллюзия, которая держится лишь до тех пор, пока целы ворота. Они настояли на том, чтобы я уехала. Не просто уехала, а поступила на службу. Мой путь лежал на ближайшую военную базу — передовой Штаб по обучению воинов, противостоящих мутантам. Он расположился в двух часах пути от Литвича, в низине между скал, ошетилившихся смотровыми вышками и частоколом. Родители хотели, чтобы я научилась убивать прежде, чем чудовища придут за мной. Они отдали меня туда, где пахнет не хлебом, а железом, порохом и страхом.

Два часа пути между мирным Литвичем и Штабом — это самая опасная зона отчуждения. Земля здесь выжжена и засыпана солью, чтобы мутанты не могли маскироваться в высокой траве. Каждые сто метров дороги просматриваются из бойниц, а под землей проложены тайные сигнальные струны: если наступить на такую, в Штабе зазвенят колокола.

Самое страшное в монстрах снаружи — это даже не их чудовищный, гротескный внешний вид. К этому зрелищу, как ни странно, человеческий глаз постепенно привыкает. Да, они огромные. Да, у них может быть по три ряда бритвенно-острых зубов, способных перекусить кость. У одних видов по пять-шесть слепых, налитых кровью глаз, а у других — гладкая, лишенная кожи морда, ориентирующаяся исключительно на тепло и трепет бьющегося человеческого сердца. У них может быть неестественно много суставчатых конечностей, позволяющих им развивать бешеную скорость и бесшумно скользить по кронам мертвых деревьев.

Но истинный, парализующий ужас кроется в их способе размножения. Они не просто убивают ради пропитания. Мы для них — почва. Инкубаторы.

Среди мутантов есть виды, которым достаточно нанести тебе легкую, едва заметную царапину своими когтями. На этих когтях копошатся микроскопические, микроскопические личинки. Попадая в кровь через малую рану, они за считанные часы разносятся по организму, свивая свои гнезда прямо в мышечной ткани. Человек сгорает изнутри от дикой лихорадки, пока его тело перестраивается под нужды паразита.

Но есть твари куда крупнее и безжалостнее. Они охотятся целенаправленно. Своими серповидными лапами они заживо вспарывают брюхо человеку или крупному животному, аккуратно раздвигают внутренние органы и откладывают туда гроздь полупрозрачных, пульсирующих яиц. Жутко, правда? Но самое омерзительное — они вводят в рану особый парализующий токсин. Жертва остается в полном сознании, она не может пошевелиться или закричать от боли, пока чувствует, как внутри её собственного живота, в тепле и сырости, зарождается новая, проклятая жизнь. Монстры охраняют своих «носителей» до самого момента вылупления, который означает для человека долгую и мучительную смерть.

Зараженного человека еще можно спасти, но цена этого спасения ужасна. В Штабе водителей есть должность «чистильщиков». Если бойца привозят с вылазки со вспоротым животом, чистильщики без наркоза выжигают кладку яиц каленым железом или заливают рану кипящим дегтем. Если упустить хотя бы одно яйцо, через трое суток из груди человека вырвется сформировавшийся выводок.

Именно против этих тварей меня и отправили воевать. Но худшее ждало меня впереди. Меня распределили в Академию водителей — элитный корпус, чьи бойцы управляют тяжелыми, бронированными машинами на паровом ходу и доставляют ресурсы в отдаленные деревни. Их называют смертниками, потому что каждый выезд за ворота — это игра в рулетку с самой смертью.

Комната была наполнена запахом сушеной лаванды, воска и старой, тяжелой кожи, которая годами хранилась на дне кованого сундука. Я стояла на коленях перед холщовой дорожной сумкой, методично укладывая внутрь свою прошлую жизнь. Вещей было немного, ведь в Академию водителей нельзя брать лишнее — каждый лишний грамм в кузове броневику уменьшает шансы на маневр.

Я аккуратно свернула пару шерстяных свитеров крупной вязки, которые мама соткала для меня прошлой зимой. Следом отправились деревянная расческа с тугими кожаными резинками, мыло из козьего жира, скудные средства личной гигиены, которые в наше время ценились на вес золота, и две заветные железные банки с тушеной свиной из запасов отца. На самый край я положила толстый блокнот в грубом переплете и чернильную ручку. Я пообещала себе, что буду записывать туда всё. Если я не вернусь, пусть хотя бы мои мысли останутся внутри этих стен.

Моя мама, Катерина Риан, стояла у окна, молча наблюдая за моими сборами. Её левая нога слегка подрагивала — старая травма, напоминание о службе. Мама когда-то была одной из лучших в Штабе. Она управляла тяжелыми тягачами и знала изнанку этого мира до мельчайших шрамов на теле. Ей пришлось комиссоваться и уйти в отставку ровно в тридцать лет, когда здоровье окончательно сдало из-за постоянных перегрузок, ледяных ветров пустошей и

токсичного дыма паровых двигателей. В нашем мире до тридцати лет на передовой доживают единицы, и то, что мама стояла сейчас передо мной, было настоящим чудом.

— Внимательно проверяй швы на сумке, Агата, — глухо произнесла она, не оборачиваясь к окну. — Если в кузове сорвет паровую заглушку, конденсат пропитает ткань за секунды. Сухие вещи за стенами — это разница между жизнью и воспалением легких. А лекарств там нет.

— Я знаю, мам, — тихо ответила я, затягивая кожаный шнурок на горловине сумки. — Я проверила дважды.

Сто лет назад текстильные фабрики производили миллионы тонн синтетической одежды, но за век она вся сгнила или превратилась в труху. Сегодня ткань — это роскошь. Каждый лоскут берегут. Раньше в Академии курсантам выдавали новенькую форму, а по мере их роста и продвижения по службе ежегодно шили свежие комплекты. Теперь эта эпоха изобилия ушла. Из-за нехватки ресурсов и постоянных набегов мутантов на текстильные мануфактуры, курсанты обязаны прибывать в Штаб в собственной бронированной одежде. Семьи сами собирают своих детей на войну, буквально отрывая от себя последнее.

Защита тела — это главный залог выживания. Обычная ткань не спасет от когтей мутантов, способных расцезать плоть до кости, а главное — она не защитит от микроскопических личинок, которые твари выделяют при малейшем прикосновении. Поэтому мама достала свой самый ценный артефакт — её собственный старый боевой костюм.

Это была тяжелая, грубая броня, сделанная полностью из натуральной, толстой воловьей кожи, вымоченной в специальном дегтярном составе для отпугивания паразитов. Кожаная куртка полностью закрывала руки и торс, не оставляя ни единого зазора для случайного укуса. К ней прилагались плотные, тугие брюки и высокие, глухие сапожки на длинной, сложной шнуровке, доходящей почти до колен. Обувь пахла порохом, машинным маслом и дорожной пылью — запахами, которые въелись в эту кожу за годы маминой службы. Костюм полностью прилегал к телу, а сапожки выглядели как декор к этому боевому виду. Было даже немного жарко в таком, но так безопаснее.

Когда я оделась, мама подошла ко мне со спины. Её пальцы, огрубевшие от работы на ферме, но всё ещё удивительно ловкие, мягко коснулись моих волос. Мои волосы были непослушными, слегка кудрявыми, темно-коричневого, орехового оттенка. В Литвиче девушки обычно носили простые косы, пряча их под чепцы, но сегодня был особенный день. Наш семейный ритуал.

Мама разделила пряди на затылке, ловко собрала верхнюю часть волос в небрежный, высокий пучок, а затем начала плести несколько мелких, тонких косичек по бокам. Каждое движение её рук было наполнено молчаливой нежностью и тревогой. В концы косичек она бережно вставила маленькие стальные кольца — мамин личный талисман из её юности в Академии.

— Так они не будут лезть в глаза, когда ты наденешь защитные очки водителя, — прошептала она, закрепляя последнее кольцо. — И если придется резко обернуться в кабине, волосы не зацепятся за рычаги. Я заплетала тебя так перед каждой ярмаркой в Литвиче, Агата. Но поскольку ты едешь туда в первый раз... прими это как мое благословение. Оставь эту прическу. Пусть эти кольца напоминают тебе, чья кровь течет в твоих венах.

Я коснулась холодного металла в волосах и выдавила слабую улыбку:

— Спасибо, мам. Я не сниму их.

Я подошла к большому, слегка помутневшему от времени зеркалу, которое висело в нашей прихожей. Из рамы на меня смотрело совершенно незнакомое существо.

Я замерла, разглядывая свое отражение. На меня смотрела высокая, стройная восемнадцатилетняя девушка с бледной кожей и яркими, испуганными зелеными глазами. Но всё остальное казалось чужим, пугающим и слишком суровым. Тяжелый кожаный костюм визу-

ально делал мои плечи шире, скрывая привычную девичью хрупкость. Грубая шнуровка на сапогах стягивала щиколотки, заставляя стоять ровнее, жестче. Металлические кольца в мелких косичках тускло поблескивали в полумраке прихожей, словно элементы какой-то древней, забытой брони.

Это была не я. Абсолютно не я.

Я привыкла к другой жизни. Мое утро всегда начиналось с легких, воздушных льняных платьев нежного кремового цвета, поверх которых я затягивала изящный коричневый корсет, подчеркивающий фигуру. Или с простых свободных рубаш, коротких рабочих шорт и легких маек, в которых было так удобно бегать по залитым солнцем огородам Литвича, помогая отцу собирать урожай. Я была мирной жительницей. Я была девушкой, которая любила тепло, смех и запах цветущих яблонь.

А теперь из зеркала на меня смотрел солдат. Будущий водитель броневика. Смертник, которому суждено выезжать за стены, в мир, где человеческое тело — это просто инкубатор для яиц мутантов.

В этот момент в прихожую вошел отец. Он нес мой дорожный плащ из плотной пропитанной ткани. Увидев меня, он остановился в дверях, и на его лице отразилась глубокая, невыносимая боль. Он слишком любил мою мирную версию в платьях, чтобы легко принять эту новую реальность.

Отец подошел ближе и протянул мне плащ, но прежде чем отдать его, он вложил в мою ладонь что-то маленькое, завернутое в промасленную тряпицу. Это был старый складной нож с костяной рукоятью.

— Это не для монстров, Агата, — тихо сказал отец, глядя мне прямо в глаза. Его голос слегка дрожал. — Против тварей у тебя будут паровые орудия и карабины Штаба. Этот нож... для тебя. На крайний случай.

Я нахмурилась, сжимая прохладную рукоять:

— О чем ты, пап?

В разговор вмешалась мама, её голос прозвучал резко и холодно, как удар хлыста:

— Твой отец прав, Аги. Если твой броневик заглохнет в пустоши, и к тебе прорвутся «вскрыватели»... Если ты поймешь, что они собираются отложить в тебя яйца, а помощи ждать неоткуда... Ты не должна позволить им это сделать. Ты должна использовать этот нож на себе. Быстрая смерть от стали лучше, чем три дня ада. Обещай мне, что не струсишь, если этот момент придет.

У меня перехватило дыхание. Холод прошел по спине, а кожаный костюм вдруг показался удушающе тесным.

— Обещаю, — едва слышно выдавила я, пряча нож во внутренний карман куртки.

Через две минуты мы стояли у массивных южных ворот Литвича. За ними начиналась выжженная зона, ведущая к Штабу Академии. В воздухе уже пахло гарью и дешевым углем — там, в низине, всюду гремели котлы боевых машин. У ворот нас встретил старый фургон Академии, собиравший новобранцев.

Объятия родителей были отчаянными и удушающими. Отец прижал меня к себе так крепко, словно пытался вдавить обратно в безопасность нашего дома, а мама лишь безмолвно коснулась лбом моих маминых косичек со стальными кольцами. От нее пахло родным очагом, но этот запах мгновенно отрезало, стоило мне повернуться к фургону. Я натянула на лицо плотную защитную маску из толстой промасленной ткани, закрывавшую рот и нос — обязательный атрибут любого, кто покидает стены Литвича. Маска защищала не от пыли, а от невидимых спор и личинок, которые могли парить в воздухе пустошей после недавнего цветения мутантских гнезд.

Я запрыгнула внутрь. Бронированная дверь фургона захлопнулась с тяжелым, глухим лязгом, отрезая нас от мирного горизонта. Внутри пахло старым железом, потом и дешевым

табаком, который курили охранники. В полумраке кузова, на узких деревянных лавках вдоль бортов, сидели другие новобранцы — молодые парни и девушки. Большинству было около восемнадцати, как и мне, но у некоторых на лицах уже проступала суровость двадцатилетних. Все они прятали лица за масками, из-за чего мы казались безликой толпой приговоренных к казни. Кто-то нервно сжимал рукоять отцовского тесака, кто-то тихо молился, уставившись в грязный пол.

Ткань для этих полумасок вымачивают в концентрированном отваре полыни и чесночного корня, смешанном с дегтем. Считается, что этот резкий, удушливый запах сбивает с толку обоняние мелких мутантов-ишечек, которые реагируют на сладковатый аромат свежей человеческой крови. Из-за этого от каждого рекрута исходит специфический, горький шлейф.

Внезапно тишину нарушил тихий, немного дрожащий, но удивительно дружелюбный голос. Ко мне обратилась рыжеволосая девушка, сидевшая напротив.

— Привет, я Элис, — она слегка приспустила маску, обнажая россыпь задорных веснушек на бледных щеках. Её огненно-рыжие волосы были аккуратно убраны в милые, тугие косички, а спереди, обрамляя лицо, свисали аккуратные волнистые прядки. У нее были теплые, карие глаза, в которых, несмотря на страх, еще горела жизнь. — Мои родители занимаются разведением коров и коз на южной окраине, я видела вас недалеко от нашего пастбища. У вас ведь еще такой огород большой, за каменной изгородью, да?

Из снаряжения на Элис был похожий защитный костюм, но совершенно другого фасона и расцветки — из темно-бордовой, плотно подогнанной кожи с усиленными налокотниками. Она выглядела настолько хрупкой и милой, что казалась совершенно чужой в этом гроыхающем бронированном гробу.

Я тоже приспустила свою маску, чувствуя, как от звуков знакомого дома на душе становится чуточку теплее:

— Агата, очень приятно. Да, ты угадала. Моя семья держит эти уголья. Мы лучшие в городе по поставкам свежих овощей!

Элис слабо улыбнулась, и в её глазах мелькнул лучик надежды:

— Надеюсь, Аги, мы будем хорошими подружками! В этом жутком месте лучше держаться вместе.

— Взаимно, Эл... — я не успела закончить фразу.

Тяжелое смотровое окошко со стороны кабины водителя с грохотом распахнулось. Оттуда высунулось злое, шрамированное лицо конвоира.

— А ну заткнись, овцы литвичские! — рявкнул он так, что заложило уши. — Достать оружие, что выдали вам ваши мамочки и папочки! Проверить затворы и клинки! Мы въезжаем в мертвую зону повышенной опасности. Если кто-то пикнет — высажу прямо на ходу на корм!

Фургон резко затрясло. Мы выехали на ту самую соляную пустошь, разделяющую Литвич и Штаб Академии. В кузове воцарилась гробовая, звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием подростков и скрежетом подвески. Нам приказали смотреть в узкие смотровые щели бортов.

Пейзаж за окном мгновенно изменился. Мирные луга сменились изуродованной, потрескавшейся землей. По обочинам дороги тянулись огромные, толстые нити серой, липкой паутины, которая опутывала остовы столетних автомобилей и мертвые деревья. Эта паутина слабо пульсировала, словно была живой. В глубине этого серого марева, среди переплетенных ветвей, то и дело вспыхивали и гасли фосфоресцирующие, ядовито-желтые и антрацитово-черные глаза. Они провожали наш фургон голодными взглядами.

Серая паутина — это следствие жизнедеятельности «прядильщиков», слепых паукообразных мутантов размером с волка. Их паутина пропитана кислотным составом. Если человек наступит в нее босой ногой или незащищенной обувью, подошва растворится за несколько минут, а токсин через кожу проникнет в лимфоузлы, вызывая паралич нижних конечностей.

Внезапно фургон резко затормозил, взвизгнув тормозами. Корма машины подскочила. Окошко водителя снова открылось, но теперь голос конвоира был не злым, а напуганным.

— Давление в котле падает! Сюда что-то прет! Всем выйти из фургона, живо! В случае атаки — рассеяться и бежать к воротам училища, они уже близко! Бегом, если жить хотите!

Тяжелая задняя дверь распахнулась, впустив внутрь ледяной, пахнувший гнилью воздух пустоши. Мы посыпались наружу, как горох из мешка. Земля под сапогами оказалась скользкой. Я тут же нащупала под плащом рукоять отцовского клинка и с сухим шорохом выхватила его из ножен. Сталь тускло блеснула в серых сумерках.

Рядом со мной тяжело дышала Элис. Она перебирала пальцами по швам своей куртки, её лицо под маской стало мертвенно-бледным, а карие глаза округлились от ужаса.

— Аги... у меня ничего нет... — в панике прошептала она, и её голос сорвался на всхлип. — Мой отец... он сказал, что в Академии всё выдадут. Он не дал мне оружия с собой!

Из темноты за нашими спинами, со стороны паутинных зарослей, послышался отчетливый, влажный шорох разрываемых нитей и утробный, булькающий рык. Опасность была совсем рядом, прямо на подступах к училищу.

Я резко выставила левую руку в сторону, задвигая подругу себе за спину:

— Встань за мной. Из-за всех сил держись сзади и не отставай!

— Бежите! — закричал кто-то из парней впереди, и вся толпа новобранцев с криками бросилась по выжженной тропе вперед, к спасительным частокколам Штаба. Мы с Элис побежали вместе со всеми, тяжело дыша сквозь маски. Кожаный костюм сковывал движения, сапоги тяжело вбивались в соленую грязь.

Мы почти добежали до внешнего рва училища, когда воздух перед нами буквально разорвался от дикого, пронзительного визга. Прямо из серого тумана, преграждая путь к воротам, соткалась огромная, гротескная тень.

Это существо когда-то, возможно, было крупным медведем или волком, но вирус превратил его в кошмар наяву. Мутант стоял на четырех неестественно длинных, суставчатых лапах, которые заканчивались костяными серпами. Его туловище было покрыто жесткой, редкой щетиной, сквозь которую просвечивала бугристая серая кожа. Но самым страшным была голова — уродливая, лишенная шерсти, со вскрытой пастью, усаженной сотнями мелких, игольчатых зубов.

Элис за моей спиной истошно, пронзительно закричала, вцепившись пальцами в мою куртку.

Я замерла. Мои ноги словно вросли в землю, налившись свинцом. Ощущение было такое, будто меня ударило сильным током или погрузило в глубокий гипноз. Тварь опустила свою уродливую морду на уровень моего лица. На меня уставились её глаза — огромные, абсолютно черные сферы без белков и зрачков, отражающие мою собственную смерть. Эти черные бездны смотрели, казалось, прямо в душу, вытягивая из меня остатки воли. Время замедлилось. Я видела, как с её клыков капает густая, желтоватая слюна. Я заставила себя поднять клинок перед собой, встав в неумелую, трясущуюся бойцовскую позу, которой меня учил отец, но внутри я понимала: это конец.

Тварь издала победный рык, подняла массивную лапу с огромными когтями и замахнулась, чтобы снести половину тела для пищи.

Вдруг воздух свистнул. Сверкнула широкая, тяжелая полоса закаленной стали. Раздался глухой, влажный удар, сопровождаемый хрустом костей. Огромная голова мутанта с черными глазами отлетела в сторону, фонтанируя густой, темной кровью, а туша чудовища с тяжелым глухим стуком рухнула на землю, судорожно дергая лапами.

— Дура! Бегом за ворота! — раздался над моим ухом резкий, оглушительный и невероятно грубый крик.

Я вздрогнула, выходя из оцепенения. Передо мной стоял парень, который только что снес голову монстру одним точным ударом. Он держал массивный, длинный двуручный меч обеими руками, уперев острие в землю. Его тяжелое дыхание вырывалось сквозь прорези кожаной полумаски, которую он тут же сорвал, обнажая лицо.

Он был высоким, широкоплечим и подтянутым. Его кожа была смуглой, заметно отличавшейся от бледных лиц жителей Литвича. На правой стороне шеи и уходя вниз, на плечо, чернела сложная, пугающая татуировка в виде переплетенных шипов и костей. Такие узоры не рисовали чернилами — их набивали раскаленной горячей иглой, выжигая кожу, как это делали в диких, полузабытых племенах кочевников за дальними пустошами.

Лицо незнакомца дышало суровой, хищной красотой. Острые, словно вытесанные из камня черты лица, волевой подбородок и жесткий, невероятно сосредоточенный взгляд темно-серых глаз, которые смотрели на меня с явным презрением. На его нижней губе белел небольшой, старый шрам, разделяющий её надвое. Темные, растрепанные волосы слегка доставали до бровей, падая на лоб влажными прядями.

В элитных отрядах Академии шрамирование и выжигание узоров на теле — это не просто украшение. Это ритуал «мертвой кожи». Выжженная ткань теряет чувствительность и становится твердой, как мозоль. Набивая такие тату на шее и плечах, воины защищают самые уязвимые артерии от укусов мелких паразитов.

— Чего вылупилась?! — снова рявкнул он, заметив, что я продолжаю разглядывать его татуировки и шрам на губе. — Если жить надоело, оставайся здесь и подыхай! Твоя подружка соображает быстрее тебя!

Элис действительно уже вовсю тянула меня за рукав в сторону открытых кованых ворот Штаба, из которых выбегали вооруженные арбалетами гвардейцы.

— Агата, бежим, пожалуйста! — умоляла Элис, заливаясь слезами.

Я перехватила клинок поудобнее, бросив последний взгляд на смуглого воина, который уже разворачивался лицом к туману, откуда доносился топот других приближающихся тварей. Мы с Элис со всех ног бросились под защиту массивных стен училища, едва успев проскочить под опускающейся стальной решеткой.

Тяжелая железная решетка ворот Академии опустилась с оглушительным, лязгающим грохотом, отрезав серый туман пустоши с его кошмарами. Бешеная доза адреналина, которая только что гнала меня вперед, испарилась в одно мгновение. Ноги подкосились. Кожаный костюм, казавшийся защитой, теперь давил на грудь, мешая дышать. Натянув маску обратно на подбородок, я тяжело, со свистом выдохнула и оперлась ладонями о колени. Глаза загло от подступивших слез и едкого угольного дыма, висевшего над плацем Штаба. Я просто зажмурилась на секунду, пытаясь осознать, что мое сердце все еще бьется.

Вдруг резкий, жесткий удар армейского сапога пришелся мне прямо по пояснице.

Удар был такой силы, что у меня перехватило дыхание. Я не удержалась и с глухим выдохом рухнула плашмя на каменистую, засыпанную острой солью землю плаца. Защитный костюм мамы спас торс и локти, но у меня не было перчаток — ладони приняли весь удар на себя. Мелкие, острые кристаллы соли и гравий мгновенно разодрали кожу. Из глубоких царапин на ладонях брызнула алая кровь, смешиваясь с грязью. От жгучей боли я закусила губу, пытаясь подняться, но надо мной уже выросла массивная, темная тень.

Раны, полученные на плацу Штаба, считаются крайне опасными. Из-за близости к мертвой зоне земля здесь пропитана спорами плесени, которая питается трупным ядом мутантов. Если не прижечь содранные ладони чистым спиртом в первые десять минут, кожа вокруг порезов начнет портиться и чернеть уже к вечеру.

Над плацем разнесся его голос — громкий, издевательский, сочащийся ядовитым презрением. Вокруг нас тут же начали останавливаться другие новобранцы и старшекурсники, с любопытством разглядывая бесплатное зрелище.

— Гляньте на нее, воительница! — выплюнул смуглый боец, скрестив руки на груди. Его двуручный меч, испачканный черной густой кровью твари, покоился в массивных ножнах за спиной. — Вытащила папин ножик и думала, что напугает трехметрового выродка? Твоя безголовая смелость тут нахрен никому не нужна! Здесь ценятся те, кто умеет вовремя уносить ноги, а не строить из себя героя с куском кухонной стали!

Он медленно опустился на корточки передо мной, облокотившись локтями на собственные колени. Его лицо оказалось в каких-то сантиметрах от моего. Он наклонил голову набок, разглядывая меня, как надоедливое насекомое. В его серых глазах горела холодная, расчетливая ярость, а шрам на нижней губе хищно дернулся.

— Если такая как ты... — процедил он сквозь зубы, делая паузу после каждого слова, — попадет ко мне в отряд...

Он резко вытянул руку вперед, его пальцы намертво впились в мои волосы на затылке. Он грубо намотал кудрявые коричневые пряди на свой огромный кулак, заставив металлические кольца, которые вплела мама, жалобно звякнуть. Одним рывком он потянул меня вверх, заставляя закинуть голову и смотреть ему прямо в лицо. Корни волос отозвались дикой, режущей болью.

— ...я убью тебя тренировками на первом же полигоне. Тебе ясно, чучело фермерское? — тихо, но отчетливо прошипел он.

Дикая, слепая ярость изголодавшейся по нормальной жизни девчонки вспыхнула внутри меня, заглушая страх. Я родилась в Литвиче, меня учили уважать старших, но никто и никогда не смел обращаться со мной как со скотом на убой. Я вцепилась своими окровавленными ладонями в его жесткое запястье, пытаюсь ослабить хватку, и закричала ему прямо в лицо:

— Да ты кто такой вообще?! Руки убрал от меня, ублюдок!

Его брови на секунду удивленно взлетели вверх, а затем губы расплылись в издевательской, холодной усмешке. Он даже не шелохнулся, словно мои пальцы были не сильнее комариных лапок.

— Не, ты реально бестолковая... — качнул он головой, сильнее затягивая узел из моих волос. — Мозги в Литвиче вместе с капустой на грядках растеряла?

— Командир Андрес! — внезапно раздался со стороны главных дверей казармы резкий, дисциплинированный голос дежурного офицера. На плац вышел мужчина в тяжелой шинели с нашивками администрации. — Вас вызывают к коменданту Штаба. Вы обязаны лично стоять на посту на центральной трибуне во время распределения новобранцев по отрядам. Машины уже заправляют!

Андрес не спеша повернул голову к офицеру, даже не отпуская моих волос:

— Сейчас приду. Минуту, — бросил он коротко, с абсолютным авторитетом в голосе.

Затем его ледяной, пронизывающий взгляд снова вернулся ко мне. Он слегка ослабил хватку, но его пальцы все еще контролировали каждое движение моей головы.

— Должна разговаривать уважительно, — тихо, но с пугающей весомостью произнес он, слегка встряхнув меня за волосы. — «Так точно» — вот всё, что должен твой поганый, немый язык говорить, когда я открываю рот. Повтори.

Я слотнула вязкую слюну, чувствуя, как соль на ладонях невыносимо жжет кожу. Элис позади меня тихонько всхлипнула, боясь даже вздохнуть. Сопротивляться сейчас означало подписать себе смертный приговор до того, как я увижу свой первый броневики.

— Так точно, командир... — едва слышно выдавила я, глядя на шрам на его губе.

Андрес удовлетворенно хмыкнул и резко разжал кулак. Моя голова по инерции дернулась вперед, несколько коричневых волосинок остались на его кожаной перчатке. Он поднялся во весь свой немалый рост, сверху вниз глядя на то, как я растираю ушибленный затылок.

— Умница какая, быстро учишься, — в его голосе послышался издевательский смехок, от которого у меня загорелись уши. Он сделал шаг назад, поправляя тяжелый ремень своего

двуручного меча. — Запомни, новенькая: еще одна такая выходка, еще один дерзкий взгляд — и я отшлепаю тебя у всех на виду, прямо здесь, на этом плацу. Чтобы твоя задница горела так, что ты ножками шевелила в три раза быстрее. Глядишь, научишься бегать со скоростью нормального бойца, а не ползать как беременная гусеница.

Он резко развернулся на пятках своих тяжелых сапог и, не оборачиваясь, направился в сторону главного корпуса Академии. Его смуглая шея с выжженной татуировкой в виде шипов казалась каменной. Толпа курсантов вокруг тут же расступилась, уступая ему дорогу с явным, благоговейным страхом.

В Штабе водителей телесные наказания и публичные унижения официально разрешены уставом «для снятия гражданской спеси». Считается, что если курсант не может пережить позор и грубость внутри стен, то за стенами, встретившись с настоящим ужасом мутаций, он просто сойдет с ума или бросит свой отряд. Андрес пользовался этим правилом чаще всех остальных командиров вместе взятых. Обычно это были плети по ногам или рукам, но столь извращенное Андрес выдумал на ходу. Ещё бы... задницу он трогать будет, я скорее на площадь уйду.

Как только его фигура скрылась за тяжелыми дубовыми дверями, ко мне тут же подскочила бледная, дрожащая Элис. Она упала рядом со мной на колени, совершенно забыв про грязь, и аккуратно взяла мои окровавленные ладони в свои.

— Боже, Аги... твои руки! — прошептала она, доставая из своего кармана чистый лоскут ткани. — Зачем ты ему ответила? Это же Андрес! О нем на нашей окраине такие ужасы рассказывают... Говорят, он однажды привязал курсанта к бамперу броневика и ехал так через мертвую зону, потому что тот забыл закрыть паровую заслонку! Он же чудовище, почище тех, что за стеной!

Я молча смотрела на свои ладони, где соль смешивалась с кровью. Кожа на затылке все еще горела от его хватки. Внутри меня вместо страха медленно закипала холодная, упрямая злость. Я подняла глаза на трибуну, где уже начинали вывешивать списки распределения новобранцев.

— Пусть делает что хочет, Эл, — тихо ответила я, поднимаясь на ноги и натягивая маску повыше. — Я приехала сюда не для того, чтобы меня ломали малолетние садисты с мечами. Пошли. Нам пора узнать, в чьем аду мы будем служить...

Глава 2

НЕБОЛЬШОЕ ЗНАКОМСТВО С АКАДЕМИЕЙ

Мы медленно двинулись вслед за ушедшим командиром, пересекая внутренний плац по направлению к главному входу. Перед нами высилось массивное, угрюмое здание, которое своей тяжеловесной архитектурой больше всего напоминало средневековый замок в четыре яруса. Его стены дышали неподъемной, первобытной мощью. Судя по гротескным остаткам несущих конструкций и торчащим из земли швеллерам, до катастрофы это колоссальное сооружение было огромным промышленным заводом старого мира.

По краям исполинских ворот, словно кости вымерших гигантов, всё еще лежало раскиданное, покрытое вековой бурой ржавчиной железо: обломки прокатных станов, разорванные шестерни и тяжелые стальные балки. Предкам пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы превратить эти руины в неприступную крепость. Соорудить такое из остатков машинной цивилизации в условиях нового Средневековья казалось чем-то непостижимым для ума. Очевидно, эту цитадель отстаивали, перестраивали и укрепляли на протяжении многих десятилетий, буквально поливая каждый камень потом и кровью.

Здание бывшего завода было наглухо обложено толстым слоем грубого красного кирпича и укреплено тяжелыми дубовыми бревнами, защищавшими нижний ярус от ударов стенобитных лап мутантов. Но самым удивительным было не это. В некоторых местах, прямо у подножия массивных стен, чудом сохранилась густая зеленая трава. Её аккуратно обходили стороной и никогда не срезали. Этот крошечный островок живой, нетронутой природы посреди выжженной соляной пустоши казался священным — напоминанием о том, какой земля была до появления вируса.

Кстати, кирпичная кладка вокруг завода — это не просто декор. Сто лет назад этот кирпич был деталями жилых кварталов соседнего города, который стерли с лица земли в первые годы пандемии. Выжившие вручную перетаскивали миллионы тонн камня, чтобы создать буферную зону: пористый кирпич отлично гасит кинетический удар, если крупный мутант на полной скорости таранит стену.

По периметру огромной площади, строго по углам воображаемого квадрата, были расположены четыре глубоких колодца. Над каждым из них возвышался тяжелый деревянный ворот с кованными цепями и огромными дубовыми ведрами. Вода из этих источников пахла железом и известью, но она была чистой, пригодной для питья и охлаждения паровых котлов боевых машин. Наличие сразу четырех независимых колодцев внутри периметра подтверждало: это действительно была элитная, первоклассная Академия, способная выдержать многомесячную осаду, даже если твари полностью отрежут Штаб от внешнего мира.

Около главного входа в четырехэтажный замок-завод столпилось около четырёхсот новобранцев. Мы стояли плотной, испуганной кучкой, прижимаясь друг к другу и оглядываясь по сторонам. Кто-то судорожно перематывал порезанные руки, как я, а кто-то, вроде Элис, просто тихо плакал, уткнувшись в воротник защитной куртки. Сто человек — огромная цифра для нашего времени, но ничтожно малая по меркам ушедшей эпохи.

Таких военных заведений и учебных багги-центров во всем обитаемом мире осталось от силы штук пятьдесят. В масштабах планеты это была капля в море. В каждой такой Академии действовал строжайший лимит — внутри стен могло одновременно находиться не более двух тысяч учеников и постоянного персонала. Ресурсы были катастрофически ограничены: чистая вода, уголь для топок, оружейная сталь и, самое главное, продовольствие ценились выше чело-

веческих жизней. Академия просто не могла прокормить лишний рот, поэтому отбор среди рекрутов был беспощадным. Тех, кто не справлялся с управлением тягачами или ловил ступор перед лицом мутантов на первом курсе, без жалости выставляли за ворота. А за воротами, как мы уже знали, долго не живут.

Среди тех, кто ходил по плацу, четко выделялись две категории бойцов. Были те, кто после окончания обязательного пятого курса не оставался на постоянную службу в элитных штурмовых отрядах. Они собирали свои скромные пожитки, забирали выданное оружие и уезжали обратно в свои родные края — на охрану периметров таких мирных городов, как наш Литвич, или дальних сельскохозяйственных поселений. Для них эти пять лет были просто затянувшимся кошмаром, который нужно пережить, чтобы получить право защищать свои семьи.

Но были и другие. Те, кто жил здесь годами, превратив закопченные стены бывшего завода в свой единственный дом. Этим ветеранам, пропитавшимся запахом дегтя, пороха и машинного масла, было уже чуть больше тридцати лет. В нашем мире тридцать лет для полевого воина — это глубокая, невероятная старость. Их лица были покрыты шрамами, глаза казались пустыми и выплывшими, а руки подрагивали от постоянного напряжения. Они выжили там, где погибли тысячи, и именно они составляли костяк армии, которой командовал молодой, но уже очерствевший Андрес.

Пока офицеры на трибуне готовили пергаменты со списками распределения, Элис потащила меня к ближайшему колодцу, чтобы смыть кровь и грязь с моих разодранных ладоней. Вода оказалась ледяной, от нее сводило пальцы, но жгучая боль в порезах от соли немного утихла.

— Смотри на них, Аги, — тихо прошептала Элис, кивая в сторону группы тридцатилетних ветеранов, которые сидели на перевернутых железных ящиках из-под снарядов и курили самокрутки. — Они выглядят так, словно уже умерли, просто забыли лечь в могилу. Мой брат говорил, что у тех, кто водит тяжелые паровые танки больше пяти лет, кожа становится серой от постоянного вдыхания угольного угля.

Я осторожно промокнула ладони краем своего дорожного плаща, чувствуя, как внутри нарастает тяжелое, глухое упрямство.

— Они выжили, Эл. Это главное, — ответила я, глядя на то, как капли воды смешиваются с кровью на сером камне колодца. — Если для того, чтобы выжить и вернуться к родителям, мне придется стать такой же серой и жесткой, как эти стены, я сделаю это. И никакой Андрес меня не сломает.

В этот момент над площадью раздался резкий, раскатистый удар медного колокола. Сто стоявших у входа новобранцев мгновенно замерли. На центральную трибуну, возвышавшуюся над кирпичной кладкой бывшего завода, вышел дежурный офицер с тяжелым свитком в руках. Справа от него, небрежно опершись рукой на рукоять своего огромного меча, встал Андрес. Его серые глаза медленно сканировали толпу, и на долю секунды мне показалось, что его взгляд остановился прямо на мне, хищно и многообещающе. Все развернулось и пошло к трибунам, которые находились в пяти минутах от нас.

— Внимание, рекруты! — зычно выкрикнул офицер, разворачивая свиток. — Начинается распределение по боевым экипажам первого курса Академии водителей! Слушайте свои имена и номера ангаров!

Система распределения в Академии «Беллструм» воителей была жесткой, но логичной. Всего формировали 10 больших групп, в каждой из которых было по сорок человек с копейками — идеальное число. Возглавляли каждую группу по два командира: старший офицер-штурмовик и его тактический напарник. Когда очередь дошла до первой, самой элитной и опасной штурмовой группы, офицер сделал многозначительную паузу.

— Первая группа! — зычно разнеслось над площадью. — Командиры отряда: Андрес и капитан Хэйли!

Я невольно подалась вперед, вытягивая шею, чтобы разглядеть ту, кому суждено было делить власть с этим татуированным чудовищем. Капитан Хэйли стояла чуть позади Андреса, но её присутствие ощущалось мгновенно. Она была среднего роста, но её фигура — подтянутая, безупречно спортивная, затянута в дорогую черную кожу со стальными пластинами — выдавала в ней опасного хищника. Короткие, жесткие волнистые волосы едва доходили до подбородка, а острый, пронизывающий насквозь взгляд светлых глаз буквально сканировал толпу новобранцев, словно она заранее выбирала, кого из нас отправить на убой первым. От одного её вида у меня пробежали ледяные мурашки по коже. Если Андрес был яростным и жестоким топором, то Хэйли казалась изящным, холодным стилетом.

По слухам, в Штабе пара «Андрес и Хэйли» считалась самой эффективной и кровожадной. Они воевали бок о бок три года. Хэйли отвечала за техническое состояние паровых котлов и точность баллистических орудий, в то время как Андрес брал на себя ближний бой и зачистку гнезд. Выжить под их совместным командованием считалось чудом.

Затем офицер перевернул страницу пергамента и начал безжалостно чеканить имена первой группы. Сердце в моей груди заколотилось о ребра, как пойманная птица. Имена сменялись одно за другим, пока сталь чиновничьего голоса не полоснула по моим ушам:

— ...Элис Блум! Агата Риан! Первый отряд, шаг вперед!

Еб твою мать.

Мир вокруг меня на секунду покачнулся. Из ста человек новобранцев судьба — или чья-то злая воля — швырнула именно нас с Элис прямо в пасть к этому садисту. Я почувствовала, как Элис рядом со мной мелко задрожала, а её карие глаза округлились от подступающей паники. Она была без оружия, хрупкая фермерская девочка, и теперь мы обе стали личной собственностью Андреса.

Я медленно подняла голову и посмотрела на трибуну. Андрес стоял там, небрежно скрестив мощные руки на груди. Услышав наши имена, он медленно опустил свои зловещие, темно-серые глаза прямо на меня. Шрам на его нижней губе дернулся, и его лицо расплылось в сытой, торжествующей, чисто кошачьей улыбке. Это была улыбка хищника, который загнал мышь в угол и теперь собирался долго и со вкусом с ней играть, прежде чем перекусить ей хребет. Он беззвучно шевельнул губами, явно напоминая мне о своем недавнем обещании «убить меня тренировками».

Внутренняя ярость, которая на секунду утихла у колодца, вспыхнула во мне с новой, утроенной силой. Зубы сжались так, что заболели челюсти. Кулаки зачесались, несмотря на содранную о соль кожу.

— Вот говню...! — процедила я сквозь зубы, делая полшага вперед, готовая высказать всё, что думаю об этом распределении, прямо здесь, перед всей трибуной.

— Тише ты! С ума сошла?! — испуганно вскрикнула Элис и мгновенно, с силой захлопнула мой рот своей ладонью в бордовой перчатке.

Её пальцы пахли дегтем и страхом. Она прижалась ко мне плечом, буквально силой удерживая меня на месте и умоляюще заглядывая в глаза. Я глухо, удушливо выругалась про себя прямо в её ладонь, чувствуя, как горячая кровь стучит в висках. Андрес на трибуне заметил эту сцену, и его кошачья усмешка стала только шире. Он слегка кивнул головой в сторону ангаров, приказывая нам занять свои места.

Элис медленно опустила руку, продолжая испуганно шептать:

— Аги, пожалуйста, молчи. Ты же видела, на что он способен. Пошли. У нас просто нет выбора.

Я сделала глубокий вдох сквозь маску, пытаюсь унять дрожь в коленях. Тяжелые сапоги на шнуровке словно налились свинцом, но я заставила себя сделать шаг вперед, выходя из общей массы новобранцев. Мы с Элис, крепко держась за руки, двинулись через плац к левому

крылу бывшего завода, где под вывеской с огромной цифрой «1» уже собирались остальные тридцать восемь смертников нашего отряда.

Над нашими головами капитан Хэйли уже спускалась с трибуны, на ходу проверяя тяжелый паровой пистолет на своем бедре. Начинался наш первый день в Академии, и я точно знала: Андрес сделает всё, чтобы этот день стал для меня последним.

Мы подошли к левому крылу кирпичной цитадели, где уже формировался наш первый отряд. Ощущение было такое, словно нас вели на плаху под конвоем. Остальные девятнадцать парней и девушек, распределенные сюда, были из других поселений — более суровых, выжженных и диких, чем наш благословенный, сытый Литвич. Они стояли группами, перешептывались и смотрели на нас с Элис как на диковинных животных, случайно забредших в волчье логово. В их взглядах не было сочувствия. Только холодная оценка, смешанная с раздражением: для них две домашние девочки из фермерского городка были обузой, которая утянет весь экипаж на дно в первом же боевом выезде за ворота. Меня это дико бесило. Зубы сводило от желания стереть эти высокомерные ухмылки с их грязных лиц.

— В шеренгу становись! Руки за спину! Живо! — раздался резкий, раскатистый приказ дежурного сержанта.

Мы мгновенно подчинились. Сто человек на плацу зашевелились, вытягиваясь в ровную, струнную линию вдоль закопченной стены ангара. Я завела свои содранные, горящие от соли ладони за спину, крепко сжав запястья, чтобы унять дрожь. Элис встала по правую руку от меня, стараясь дышать через раз.

Из тени ангара медленно, ленивой и хищной походкой вышел Андрес. На нем не было тяжелой брони, только плотные темные брюки армейского кроя и легкая штурмовая куртка без рукавов, открывающая вид на его мощные, жилистые руки и черную татуировку с шипами, уходящую под воротник. Он шел вдоль нашей шеренги, небрежно убрал руки в карманы брюк. Каждый его шаг по каменистой земле отзывался в моей голове тяжелым набатом. Наконец его тяжелые армейские сапоги остановились прямо напротив меня.

Андрес медленно вытащил одну руку из кармана и замер.

— Агата Риан... — негромко произнес он, и от звука моего имени, произнесенного его низким, хрипловатым голосом, по спине пробежал ледяной пот. — Знаешь, мышка, а я ведь молился всем забытым богам старого мира, чтобы ты попала именно ко мне в отряд.

Он медленно склонился вперед, опускаясь на уровень моих глаз. Разница в росте между нами была просто катастрофической, подавляющей. Во мне было всего метр шестьдесят три — обычная, хрупкая девчонка, в то время как Андрес вымахал под метр девяносто. Настоящий смуглый титан с широкими плечами. Когда он наклонился, его лицо со шрамом на нижней губе оказалось так близко, что я почувствовала горький запах полыни от его защитной маски и едва уловимый аромат оружейной смазки. Ну за что мне так не везет?! Почему из всех командиров этой проклятой Академии я досталась именно этому садисту?

— Слышишь меня, мышка? — тихо, почти ласково прошептал он, но в его серых глазах плясали зловещие искры. — Я убью тебя на тренировках. Доведу до изнеможения, вытрясу из тебя всю твою литвичскую спесь. Так что советую тебе пахать больше всех в этой шеренге, если не хочешь сдохнуть на первом же марш-броске.

Я изо всех сил сжала зубы, заставляя себя смотреть прямо в его пугающие глаза, и выдавила из себя положенную фразу:

— Так точно... Капитан Андрес.

Андрес вдруг тихо, хрипло рассмеялся. Этот смех был похож на рык твари, которую мы встретили у ворот. Он слегка прищурился, и его кошачья улыбка снова исказила лицо со шрамом.

— Капитан? Не-е, Агата, что-то не то. Я тут подумал... — он сделал короткую паузу, наслаждаясь моим замешательством. — Господином меня зови. С этого дня я буду для тебя

не просто напарником или старшим офицером. Я буду твоим Богом внутри этих стен. Твоя жизнь, твое дыхание и твое право ходить по этой земле теперь принадлежат мне.

Мое терпение окончательно лопнуло. Наплевав на дисциплину, на устав и на испуганный всхлип Элис справа, я дернула подбородком вверх, сокращая расстояние между нашими лицами до минимума:

— Да это издевательство! Вы не имеете права!

— Знаю, мышка, — ничуть не удивившись моей вспышке, спокойно ответил Андрес. Его голос стал жестким, как оружейная сталь. — Знаю, что издевательство. Но, как по мне, для такой бестолковой и дерзкой девчонки оно в самый раз. Быстрее дойдет через шкуру, если голова не работает.

Он выпрямился во весь рост, снова глядя на меня сверху вниз, как хозяин смотрит на провинившуюся гончую. Его тень полностью накрыла меня, отрезая тусклый свет вечернего неба.

— Слушай меня внимательно, Риан. Намотай это на свои красивые косички с кольцами, — его палец почти коснулся моего плеча. — За любое плохое поведение, за каждый косой взгляд или невыполненный приказ я выпорю тебя лично. Как строгий отец порет глупую, непослушную дочку, которая лезет в огонь. Бегай от меня сколько угодно, прячься по углам этой казармы, забивайся под колеса тягачей... Но я найду тебя везде. Из-под земли достану. Слишком уж ты меня бесить стала с первой встречи. И наказание тебе не понравится. Направо! Шагом марш в ангар!

Он резко развернулся и пошел к открытым створкам массивных железных ворот, оставляя меня стоять на плацу с пылающим от ярости лицом и бешено бьющимся сердцем.

Внутри огромного, мрачного ангара нас встретило зрелище, от которого перехватывало дыхание. Вдоль закопченных стен ровными рядами выстроились массивные, угрюмые машины. Это были штурмовые броневики на паровом ходу, которые инженеры Академии смогли соорудить буквально из металлолома, кусков обшивки старых заводов и ржавых рессор столетней давности. Конструкция их кузовов во многом напоминала тот самый угловатый, гроыхающий фургон, который только что привез нас из Литвича, но эти тягачи были вдвое больше, обвешаны шипами и снабжены глубокими арбалетными бойницами.

Чуть дальше, в глубине ангара, располагалась тренировочная зона — суровая, лишенная малейшего намека на комфорт. Там высились грубые стальные турники, сваренные из толстых водопроводных труб, тяжелые скользкие бревна для отработки баланса, толстые пеньковые канаты, уходящие под самый потолок, и вязкая, черная грязь, налитая в специальные глубокие рвы для ползания. Рядом на деревянных поддонах было свалено тренировочное барахло: тяжелые мешки с песком для бега, ржавые железные утяжелители, которые приматывались к ногам кожаными ремнями, и плотные кожаные мячи, набитые свинцовой дробью для развития силы рук.

Капитан Хэйли вышла вперед, и её четкий, звонкий голос эхом отразился от железных перекрытий:

— Итак, слушаем внимательно. Это ваш сектор. Здесь вы будете тренироваться совместно с третьей и четвертой группами первого курса. График жесткий: поочередно здесь занимаются первый, третий и пятый курсы. Пересекаться с ветеранами вам пока рано — растопчут и не заметят. Теперь посмотрите направо.

Она указала рукой на длинные деревянные столы, где грудями лежали запчасти, детали брони, мечи, щиты и баллистические элементы.

— Там вы видите сбор оружия и всякого хлама, добытого в пустошах. Даю вам ровно двадцать минут, чтобы вы окончательно определились с выбором своего боевого ремесла. В дальнейшем оружие сменить нельзя. Исключение только одно — если состояние вашего здо-

ровья или тяжелая травма больше не позволят вам удерживать нынешний клинок или лук. Время пошло!

Хэйли резко убрала руки за спину и уверенным шагом направилась к Андресу. Тот стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к стальному бамперу броневика. Я невольно замерла, заметив странную вещь: когда Хэйли подошла к нему, издевательская кошачья ухмылка исчезла с лица нашего деспота. Он смотрел на Хэйли совершенно спокойным, глубоким и — что было для него абсолютно непривычно — мягким взглядом. В этих серых глазах больше не было первобытной жестокости, словно капитан Хэйли была единственным человеком в этой проклятой Академии, способным пробудить в нем остатки чего-то человеческого. Хэйли с ноткой игривости перебирала пряди волос рукой, мне кажется, он ей нравится. Иначе такая шикарная девушка как она, не стала бы вести себя как подросток.

Рекруты тут же бросились к столам с оружием, толкаясь и шумя. Элис испуганно прижалась ко мне, её пальцы нервно перебирали мелкие рыжие косички у лица.

— Ты что будешь брать, Аги? — её карие глаза испуганно метались по грудам стали.

— Я лук со стрелами возьму, — уверенно ответила я, поправляя на плече лямку своей сумки. — Отец учил меня стрелять с тринадцати лет на наших угодьях. Я очень меткая, белке в глаз попаду. Думаю, на расстоянии держать этих тварей намного безопаснее, это поможет нам выжить.

— Ого... — Элис восхищенно выдохнула, а затем робко протянула руку к столу, где на куске мешковины лежали парные короткие клинки с костяными рукоятями. — А я, наверное, вот эти маленькие клинки возьму...

Я удивленно округлила глаза, перехватывая её за запястье:

— В ближнем бою будешь? Эл, ты же боишься мутантов до смерти! Тебя у ворот парализовало от одного рыка!

Элис грустно улыбнулась, бережно сжимая рукояти ножей:

— Этим оружием я владею лучше всего, Аги. Моя мама... она ведь тоже из бывших воинов. Она учила меня этими клинками обороняться от наглых парней на окраинах Литвича, когда они пытались зажать меня в коровниках. Так что базу я знаю. Здесь я просто улучшу свои навыки. Буду защищать тебя, если кто-то подберется слишком близко к твоей тетиве.

Вдруг за нашими спинами раздалось отчетливое, презрительное перешептывание. Я резко развернулась на каблуках своих маминых сапог. Позади нас стояла небольшая компания новобранцев — пара парней и высокомерно вздернувших носы девиц. Впереди всех вышагивал блондин со светлыми, идеально уложенными волосами и холодными серыми глазами. У него была действительно красивая, породистая внешность и среднее, но подтянутое телосложение. Судя по шепоту девчонок, его звали Лиамом. Он смотрел на мой кожаный костюм и на веснушки Элис с таким неприкрытым отвращением, словно мы были грязью на его подошве.

— Вы что-то хотели? — холодно спросила я, скрестив руки на груди.

Лиам картинно усмехнулся, картинно отводя взгляд в сторону, чтобы показать, как сильно мы ниже его по статусу:

— Не говори со нами, бестолочь огородная. Таким, как вы, деревенщинам, здесь не место. Все в ангаре уже наслышаны о твоём «героизме». Как ты вытащила папин перочинный ножик и чуть не стала бесплатным обедом у самых ворот. Только позоришь первую группу.

Внутри меня словно зажгли пороховой фитиль. Терпеть издевательства Андреса мне приходилось ради выживания, но выслушивать помой от этого смазливой придурка я не собиралась.

— Вы идиоты, судя по всему, Девиченские... — я сделала шаг вперед, смерив его компанию ледяным взглядом. Девиченск был соседним городом, который славился своей заносчивой элитой, жившей за счет старых запасов текстиля. — От вас пафосом и высокомерием так и несет, аж дышать трудно. Если вам в нас что-то не нравится — просто закройте свои рты

и не говорите с нами. Вдруг наше огородное происхождение заразно, и у тебя, Лиам, прыщи на твоём красивом личике выскочат?

Лиам мгновенно изменился в лице, его серые глаза сузились от ярости, а щеки пошли красными пятнами. Он сделал шаг ко мне, угрожающе нависая:

— Ты ничего не перепутала, шлюха фермерская?

— Ах да, нахуй тебя забыла послать! — мило улыбнулась я, глядя ему прямо в глаза и не отступая ни на сантиметр. — Прости, склероз. Там тебе самое место, вместе со всей твоей свитой.

— Стерва! — прошипел Лиам, его кулаки сжались, а одна из девиц за его спиной возмущенно ахнула.

— Не я начала грязью поливать и слухи распускать! — отрезала я, демонстративно поворачиваясь к нему спиной и беря со стола тяжелый составной лук. — Так что завали хлебало и ищи себе оружие по размеру твоего эго, блондинчик.

Я краем глаза заметила, как Элис испуганно сжалась, но в её глазах промелькнула гордость за мою дерзость. Конфликт внутри отряда был неизбежен, но пусть обходят стороной и не выпендриваются.

Мой новый лук был невероятно красивым и поразительно необычным для этого пропитанного гарью, грязного места. Его плечи, выточенные из столетней рессорной стали, были покрыты изящными, тонкими линиями и нежными узорами, которые отец выжигал кислотой в нашей домашней кузнице Литвича. Он выглядел как произведение искусства старого мира, но в моих руках эта красота превращалась в хирургический инструмент смерти. Я бережно пересчитала стрелы в полном комплекте, уложенном в ящик. Ровно шестьдесят штук. Пятьдесят тяжелых боевых стрел с коваными наконечниками весом под сто граммов каждая, три зажигательные с просмоленным фитилем и несколько тяжелых, бронебойных заготовок. Тяжелая, но спасительная ноша.

Время неумолимо истекало. На огромных настенных часах ангара оставалось всего пять минут до конца сборов, когда тяжелые кованые двери распахнулись. К нашей сороковке новобранцев уверенным, синхронным шагом подошли оба капитана.

Андрес Форест шёл впереди, заложив руки в карманы своих свободных спортивных брюк. Его смуглая шея с выжженной татуировкой в виде шипов казалась каменной. Капитан Хэйли шла чуть позади, её подтянутая, спортивная фигура в черной броне приковывала взгляды парней, а острый взгляд светлых глаз заставлял девчонок нервно сглатывать. Андрес остановился перед нашей шеренгой и оглядел притихший отряд. Для него это был на удивление спокойный, почти мягкий взгляд — без привычного издевательского прищура, который он обычно адресовал мне.

— Итак, крысеныши, слушаем внимательно, — разнесся над ангаром его низкий, хриловатый голос. — Сегодня у вас официальный выходной. Считайте это прощальным подарком от администрации перед тем, как мы начнем вытрясать из вас душу. Прямо сейчас забирайте свое барахло и располагайтесь в жилых комнатах второго правого крыла Академии. Можете гулять по центральной площади, можете сходить на тренировочный стадион поглазеть на старшекурсников, но... упаси вас бог зайти на сельскохозяйственную зону.

Андрес зловеще усмехнулся, переводя взгляд с меня на Лиаму:

— Там выращивают припасы для гарнизона. Местные фермеры и охрана — мужики суровые. Тряпок и тумакон они могут дать даже нам, командирам, если мы нарушим их периметр. А уж если поймут вас — мы добавим вам сверху так, что мало не покажется. Закон простой: они бьют нас, мы бьем вас. Всем всё понятно?

Хэйли сделала шаг вперед, скрестив руки на груди, и продолжила сухим, приказным тоном:

— Главное правило безопасности: после часу ночи на улицу ни ногой. Полнейший запрет. Площадь и рвы патрулируют гвардейцы с арбалетами, но вероятность того, что какая-нибудь мелкая тварь вроде «прядильщика» перелезет через каменные заграждения, исключать нельзя никогда. Вы еще не обучены для базовой самообороны. Без оружия против мутанта в темноте вы просто куски свежего мяса.

Андрес снова вклинился, и на его нижней губе со шрамом проступила хищная, кошачья улыбка. Он наклонился чуть вперед, заглядывая мне прямо под маску:

— Засыпайте во сколько хотите, мне плевать, хоть вообще не ложитесь. Но если после часу ночи я лично узнаю, что кто-то находился не в своей комнате или бегал по коридорам казармы... я заставлю нарушителя отжиматься ровно сорок раз. И не просто так, а со мной на спине. Мой вес вы уже примерно представляете. Поверьте мне на слово, после такого урока вы у меня всю оставшуюся неделю будете шелковыми ходить и спать по струнке.

Он выпрямился и небрежно кивнул в сторону массивных дубовых дверей в конце коридора:

— Пройти в жилой корпус можете там. Комнаты у нас большие, кубрики рассчитаны ровно на десять человек. Из-за плотного набора есть большая вероятность, что кому-то из вас может не хватить отдельных мест. Так что готовьтесь к тому, что парни будут спать вперемишку с девчонками. И чтобы я не слышал никакого писка и соплей по этому поводу! Вы приехали в армию, здесь все равны. Нет здесь больше женского или мужского пола, вы все — просто пушечное мясо первого курса. Единственное исключение — душ будет отдельный. Не хватало еще, чтобы у вас внизу там... зуды появились от избытка гормонов. Удачи, рекруты. Успейте занять комнаты, пока лучшие койки у печки не разобрали.

Едва Андрес закончил говорить, и командиры отвернулись, по ангару пронесся взволнованный гул. Сорок человек нашей группы ломанулись к выходу, как стадо испуганных овец. Все хотели успеть занять нормальные места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.